

1666

От «симфонии» к расколу

С ноября 1666 и до июля 1667 г. в Москве тянулся церковный «великий собор» с участием вселенских патриархов, многочисленных греческих епископов, русского духовенства, царя и Боярской думы. Созван он был для разрешения двух наболевших и буквально раздиравших русскую церковь конфликтов, тесно между собой связанных: один, разворачивавшийся между патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем, подрывал основы взаимоотношений светской и церковной властей; другой — между сторонниками и противниками проведенных Никоном церковных реформ, привел к расколу русской церкви.

Как Никон, так и вожди раскола неоднократно вызывались высоким собранием для увещаний и объяснений. И та, и другая стороны решительно отрицали свою вину и во всех «нестроениях» обвиняли царя и поддерживавших его греческих иерархов. Опальный патриарх честил греческих судей как «бродяг» и «султанских невольников», советовал им вместо того, чтобы «ходить всюду за милостынею», поделить между собой золото и жемчуга с его патриаршей митры и пангии и заявил, что греческие канонические правила, которыми руководствовались судьи, «не прямые, печатали их еретики». В ответ собор обвинил его в оскорблении восточных патриархов, лишил сана и отправил в северный Ферапонтов монастырь простым монахом.

Возглавлявший староверов протопоп Аввакум точно так же «покаяния и повинования не принес, а во всем упорствовал... освященный собор укорял и неправославным называл». Как потом вспоминал Аввакум, дело чуть не дошло до драки, и тогда «я отошел к дверям да набок повалился: "посидите вы, а я полежу", говорю им. Так оне смеются: "дурак-де протопоп! И патриархов не почитает!"». Юродствуя, Аввакум обличал и «Никона-волка», и «немошных» от «насилия турскаго» греков, и идущего у них на поводу царя, утверждал, что «до Никона-отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна». В итоге собор отлучил от церкви всех сторонников старых обрядов и книг, а

вождей раскола отправил в ссылку. Следствием фанатической бескомпромиссности Никона и Аввакума стала церковная катастрофа, о которой ярко свидетельствуют события 6 января 1681 г.

Во время крещенского обряда освящения вод, когда торжественный крестный ход царя Федора Алексеевича вместе с патриархом, духовенством, приказными и стрельцами спустился от Успенского собора Московского кремля к Москве-реке, где была устроена иордань (крестообразная прорубь), московские староверы ворвались в опустевшие соборы. Они учинили там разгром, осквернили могилу покойного царя и разбрасывали (впервые в русской истории!) с колокольни Ивана Великого листовки с карикатурами на власть и церковь, изготовленные по «эскизам» тогда уже «тюремного сидельца» Аввакума.

«...Безстыдно и воровски метали свитки богохульные и царскому достоинству безчестные. Ив то же время, подобно ворам, тайно вкрадучися в соборныя церкви, как церковныя ризы, так и гробы царския дехтем марали и сальныя свечи ставили, не отличаясь ничем от святокрадцев и церковных татей. Сии все злодеяния были в Москве от раскольников наущением... вождя своего Аввакума. Он же сам, оканянный изверх, в то же время... сидя в... земляной своей тюрьме, на берестяных своих хартиях рисовал царских персон и высоких духовных лиц с хульными подписаниями, и толкованиями, и блядословными укоризнами» (Мальшев В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН. М.-Л., 1965. Т. 21).

Крещенская «замытия» 1681 г. показала всю остроту религиозно-противостояния. Это хорошо видно по характеру средств, использованных староверами для осквернения святынь. В отличие от восковых, сальные свечи в церковном обиходе не использовались, их считали нечистыми. Деготь — общеизвестный знак позора, им и в XX в. в деревнях мазали ворота девкам, которых считали «гулящими». Как писал один из лучших знатоков культуры XVII в. А.М. Панченко, «в глазах бунтарей официальная церковь утратила непорочность, уподобилась блуднице и не могла претендовать на духовное руководство».

Как же русское православное царство «дошло до жизни такой»? Как вообще мог случиться и «получиться» раскол, когда две партии истово веровавших и преданных церковному делу людей буквально «съели» друг друга, ослабив церковь и создав предпосылки для ее полного подчинения государством (по выражению Ф.М. Достоевского, «паралича») в XVIII—XIX вв.? Каковы были взаимоотношения церкви и власти, церкви и общества, наконец, что из себя представляло русское религиозное сознание?

Крещение Руси, его предпосылки и альтернативы

Как известно, Русь приняла крещение от Византии около 988 г. Вплоть до 1448 г. история Русской православной церкви — это история одной из митрополий константинопольского патриархата. Крещение было второй религиозной реформой киевского князя Владимира, принятой в значительной степени вследствие неудачи первой. В 980 г. Владимир предпринял попытку создания единого государственного пантеона из племенных языческих божеств во главе с Перуном. Насажение культа вдвойне чужого (киевского и княжеского) бога вызвало восстания в недавно покоренных землях и, вместо того чтобы укрепить власть Киева, наоборот, ее ослабило. Владимиру «с боярами и старцами градскими» пришлось искать другой способ духовного и идеологического скрепления разноплеменного населения подвластных ему земель. Варианты могли быть — и были — разные, что отразилось в источниках.

Наш древнейший летописный свод под 986—987 гг. дает знаменитый рассказ о выборе веры Владимиром. Согласно ему, к князю поочередно приходили волжские булгары (принявшие ислам в 922 г.) с проповедью мусульманства, затем «немцы» от папы римского, хазарские иудеи. «После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя». Владимир, особо впечатленный рассказом последних, по совету бояр и старцев отправил послов посмотреть, «кто как служит Богу». Побывав и у булгар, и у немцев, послы были потрясены византийской церковной службой, «ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом». Они сделали и практический вывод — «не можем уже более пребывать в язычестве», поддержанный боярами ссылкой на прецедент — «если бы плох был

закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей».

Это предание, сочиненное, скорее всего, задним числом, тем не менее вполне достоверно отражает конфессиональное окружение молодого киевского государства. Русь действительно могла выбирать, и некоторые авторы даже рисуют захватывающую дух картину, к примеру, потенциального исламского выбора Владимира и его последствий для судеб Европы. Так, Д.В. Поспеловский полагает, что если бы Владимир принял ислам, то создалась бы реальная угроза европейской христианской цивилизации со стороны воинственных мусульманских народов (мавры на Пиренеях, турки-османы на Балканах и болгары с русскими в Восточной Европе). Именно эту угрозу, по его мнению, и сняло крещение Руси. Следуя такой логике, придется признать, что европейскую христианскую цивилизацию спасла любовь Владимира к вину. Ведь именно запрет на него заставил князя отвергнуть ислам — с известной мотивировкой «Руси есть веселие питье, не можем бес того быти».

Если говорить серьезно, то у иудаизма, как и у мусульманства, были очень небольшие шансы. Хазарский каганат был разгромлен отцом Владимира Святославом, опустошившим также и Волжскую Булгарию. Но главное, Русь предшествующими веками истории была гораздо теснее связана многообразными политическими, экономическими и культурными связями с Европой, чем с южными или восточными степями. Уже в конце IX — первой половине X в. она постепенно превращалась в пусть и отдаленную, но существенную часть «*orbis christianus*». Константинопольский патриарх Фотий Великий еще в 864 г. посылал епископа на Русь. И хотя эта первая христианская миссия была уничтожена Олегом после захвата Киева в 882 г., проникновение христианства на Русь из Византии, Болгарии и Скандинавии продолжалось. Великое дело «первоучителей и просветителей словенских» Кирилла и Мефодия, погибшее в Моравии, продолжилось в Болгарии и оттуда было передано на Русь. Множество варягов-дружинников были христианами. К середине X в. в Киеве было уже два христианских храма и, соответственно, — две общины. В договоре киевского князя Игоря с Византией в 944 г. часть его дружинников клянется Перуном, а часть — церковью св. Ильи.

Реально выбор стоял, конечно, между старым и «новым» Римом (Константинополем). В одной из немецких хроник зафиксировано, что

княгиня Ольга, крестившаяся в Византии, отправляла в 959 г. послов к германскому королю и императору Священной Римской империи Оттону I, «прося, чтобы их народу были поставлены епископ и священники». Известны и некие германские планы убитого Владимиром сводного брата Ярополка (скорее всего, одновременно брачные и конфессиональные). Однако в итоге именно большая степень интенсивности русско-византийских связей продиктовала выбор Владимира, породнившегося после крещения с сестрой византийского императора Анной (в подобной высокой чести за несколько лет до этого было отказано Оттону II, сватавшемуся к одной из византийских принцесс). Православие стало государственной религией и оставалось ею вплоть до 1917 г.

Первый киевский митрополит из русских Иларион (1051—1054) так описывал последствия крещения: «... Начал мрак идольский от нас отходить и зори благоверия явились, тогда тьма бесслужения рассеялась и слово евангельское землю нашу озарило; жертвенники были разрушены, а церкви поставлены; идолы сокрушены, а иконы святых предстали... фимиам, Богу воскуряемый, воздух освятил; монастыри на горах поднялись, монахи появились, мужчины и женщины, знатные и незнатные, — все люди заполнили святые церкви.. » Это, несомненно, сильно идеализированная картина. Насажение новой веры шло, естественно, сверху вниз — вначале были крещены горожане, причем зачастую принудительно (в Киеве все, кто не явится на реку креститься, были объявлены врагами великого князя, а в Новгороде жители Софийской стороны и вообще восстали с оружием в руках), затем настала очередь большинства, т. е. сельского населения. Христианизация растянулась до XIV—XV вв., когда православная вера действительно становится основой духовной жизни народа.

Правда, религиозное сознание Древней Руси не было ни единым, ни цельным. Современные исследователи выделяют в нем три пласта. Первый связан с развитием собственно христианского, византийского наследия, второй — с причудливым взаимодействием христианской и восточнославянской языческой традиции, и, наконец, третий — с судьбами «третьей культуры» — не христианской и не языческой, но, скорее, ахристианской, основанной на сложном синтезе позднеантичных, ближневосточных и западноевропейских элементов. «Третья культура», народная и городская по своему происхождению, была представлена переводами греческих и иудейских апокрифов, светскими повестями и хрониками, естественно-научными трактатами.

Иногда своеобразный сплав христианских и языческих представлений называют «двоеверием». Наиболее точное описание этого явления дал богослов и историк церкви Г.В. Флоровский: «Язычество не умерло и не было обессилено сразу. В смутных глубинах народного подсознания... слагались две культуры: дневная и ночная. Носителей "дневной" культуры было, конечно, меньшинство... Заимствованная византийско-христианская культура не стала "общенародной" сразу, а долгое время была достоянием... культурного меньшинства... История этой культуры не исчерпывает всей полноты русской духовной судьбы... В подпочвенных слоях развивается "вторая культура", слагается новый и своеобразный синкретизм, в котором местные языческие переживания сплавляются с бродячими мотивами древней мифологии и христианского воображения. Эта вторая жизнь протекает под спудом и не часто прорывается на историческую поверхность. Но всегда чувствуется под нею, как кипящая и бурная лава...» Главным различием между этими двумя культурами Флоровский считает различие «духовных и душевных установок». «"Дневная" культура была культурой духа и ума, это была "умная" культура: "ночная" культура есть область мечтания и воображения...». Действительно, христианство на Руси было воспринято скорее эстетически (через красоту богослужения и церковного искусства) и морально-этически (как система норм и запретов), но не было воспринято как религия Логоса (Бога как всеобъемлющего смысла). Более того, постепенно укреплялась традиция противопоставления сердца и чувства — разуму, веры — рациональному знанию. Отсюда вытекали многие печальные последствия, в том числе поверхностное знание Библии, магизм и ритуализм, когда вторичные, материальные, святыни (иконы, мощи, освященная вода) заслоняли собой первичные (евхаристию и Священное Писание).

Одновременно с христианизацией язычества идет «объязычивание» христианства. Православная церковь включает языческие праздники в свой календарь или ставит новые на место старых (как в случае с масленицей, ставшей неделей сыропустной перед Великим постом). Возникает православный культ «явленных» икон (обретенных на деревьях, воде или камнях) — явный отголосок языческого поклонения деревьям, источникам вод и камням. К сожалению, рука об руку с достижениями — распространением грамотности, книжности, искусств — начинают накапливаться и проблемы, отчасти бросаю-

щиеся в глаза и даже считающиеся особенностями русской религиозной жизни и сознания, а отчасти пребывающие под спудом, в глубинах народного сознания, вырывающиеся наружу во время кризисов и нестроений (ереси XIV—XV вв., «капитоновщина» или раскол). «Народное христианство», например, плохо отличает догмат от обряда, делает акцент на поклонении, а не понимании, враждебно относится к любым изменениям.

Византийская «симфония» в русском исполнении

Внешняя канва утверждения и развития православия, его основных институтов и культуры на Руси в допетровский период хорошо известна. Любой учебник рассказывает о митрополите, епископах и епархиях, игуменах и монастырях, священно- и церковнослужителях, книгах и обрядах, храмах и иконах и т. д. Но нередко в стороне остается вопрос о своеобразии русского православия, его взаимоотношений с государством и обществом. Между тем это своеобразие с самого начала властно заявило о себе, определенным образом направив развитие церкви, страны, культуры и сузив круг альтернатив.

Русь получила от Византии вполне разработанное христианское вероучение и развитую христианскую культуру. Ко времени крещения славян эпоха доктринальных споров на вселенских соборах пошла к концу. Основные догматы, сформулированные в никео-цареградском Символе веры, были уже разработаны и переданы славянам в окончательном виде. Быть может, именно поэтому русская церковь дала мало оригинальных богословов, а периодически возникавшие религиозные споры редко носили догматический характер. Кажется, что все основные усилия поколений русских священников и богословов были направлены на овладение византийским наследством, а не на его творческое развитие. Первые четыре-пять веков вообще в основном стояла проблема переводов текста Библии и богослужбных, учительных и т. д. книг на церковнославянский язык. Как известно, проблема эта была решена довольно поздно — только к концу XV в., когда под руководством архиепископа новгородского Геннадия была составлена так называемая «Геннадиевская Библия» (полный кодекс библейских книг). Напечатана полная славянская Биб-

лия была в 1580 г. в Остроге (Речь Посполитая), а в Москве по этому изданию — только в 1663 г. Долгое время Священное Писание на Руси не столько читали, сколько слушали. Ветхий и Новый Завет (помимо Псалтири и Евангелий) были известны только в отрывках, читавшихся за богослужением. Впрочем, распространение так называемых «толковых» списков библейских книг, где к тексту Писания присоединены толкования, указывает на постоянно существовавший интерес к такому чтению среди грамотных людей. Для неграмотных основные положения веры разъяснялись в проповедях, иконах и фресках церквей.

Греки передавали свою веру и цивилизацию Руси не в греческом оригинале, а в славянском переводе Кирилла и Мефодия. Но это благо со временем обернулось отрывом от греко-римской традиции (в допетровской Руси мало знали латынь и греческий), очень выборочным и приблизительным знакомством с античной и средневековой богословской и философской мыслью. Раскол христианского мира и нараставшее отчуждение его частей привело к тому, что Русь упустила опыт западноевропейской схоластики, опыт открытой богословской дискуссии. Признаком подлинного благочестия на Руси стал считаться нерассуждающий разум («не должно смести иметь мнение, мнение — второе падение»; «не чти много книг, да не во ересь впадеш»).

Наконец, с крещения Руси начинается собственно история (а не предыстория) русской культуры. Христианизация и окультуривание идут вместе и «сверху». «Повесть временных лет» сообщает, что Владимир после крещения «посылал собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное... матери же детей этих плакали о них... как о мертвых». Так возникает тесная связь церкви и государства, когда церковь не только служит целям национальной, государственной политики, но и просто берет на себя выполнение некоторых государственных функций. И не всегда это было столь плодотворным, как в случае с грамотностью и книжностью.

В Византии взаимоотношения власти и церкви строились на принципе «симфонии», сформулированном в VI в. в кодексе Юстиниана. Церковь и государство, священство (*sacerdotium*) и власть императора (*impetium*) рассматривались как две части единого организма. Император Иоанн Цимисхий говорил: «Я признаю две власти: священническую и императорскую. Творец вверил первой заботу о душе, а второй — попечение о людских телах. Пусть ни одна из властей не

подвергается нападкам, дабы мир мог процветать». Такова была теория, а практика ее нередко корректировала в сторону безусловного приоритета императорской власти. Например, один из византийских архиепископов XIII в. писал: «Император есть мерило в отношении церковной иерархии, законодатель для жизни и поведения священников, его ведению подлежат споры епископов и клириков и право замещения вакантных должностей». Надо сказать, что эта древняя традиция идет от римского императора Константина Великого, сделавшего христианство государственной религией, созвавшего в 325 г. первый Вселенский церковный собор в Никее и постоянно вмешивавшегося в богословские споры и церковные дела (крещение он принял только накануне смерти). Недаром продолжавшуюся вплоть до XX в. эпоху в истории церкви, когда политическая власть осуществляла свои цели, опираясь на христианство как государственную религию, принято называть «константиновской». Критики теократии говорят о «пленении» церкви государством, о том, что императоры приковали церковь к своей колеснице, что в итоге привело к религиозно-политическому диктату, к «христианским» гонениям против инакомыслящих. Благостная в теории, на практике идея «симфонии» государственной религии была попыткой «воцерковления» языческой по сути монархии, в основе своей противоречившей постулатам Нового Завета.

Русь вместе с православием восприняла от Византии и ее церковно-политические концепции. Каноническая норма «симфонии» священства и царства была представлена уже в Кормчей книге, т. е. сборнике церковного законодательства (по-гречески — Номоканон) XII в., а в 1551 г. включена в постановления Стоглавого собора (причем повторена в нем дважды). Греческое понятие «симфонии» в первом случае переведено как «совещание», во втором — «согласие», т. е. гармоническое взаимодействие между государственной властью и церковной иерархией. Практика, как обычно, корректировала благие намерения.

В начале киевского христианства мы видим, может быть, лучший вариант такого взаимодействия. Владимир уделял большое внимание тому, что мы бы сейчас назвали социальными аспектами христианства (и с чем так плохо обстоит дело сегодня). Он не только основывал школы, но и раздавал пищу голодным, поддерживал немощных. В Киеве X в. им была создана своеобразная система «социального обеспечения». Его примеру пытались следовать другие князья. Влади-

мир Мономах в своем знаменитом «Почуении» наставлял сыновей: «Всего же более сырых не забывайте, насколько можете, по силе кормите, подавайте, сироту и вдовицу защищайте сами и не давайте сильным погубить человека». Владимир также глубоко воспринял христианские требования милосердия, и когда вводил в Киеве византийское право, настаивал на смягчении его наиболее жестоких черт (наказаний в виде смертной казни, пыток, увечья).

Основанный в XI в. Киево-Печерский монастырь в лице его знаменитых настоятелей преп. Антония, преп. Феодосия, многих монахов продолжал эту «социальную» линию. Все они воплощали идеалы «умаления», служения ближним через помощь беднякам, наставление буйных князей, личную аскезу. Киево-Печерский патерик содержит, например, рассказ о «черноризце» (т. е. монахе) Прохоре, который во время голода раздавал хлеб и соль, в то время как киевский князь солью, наоборот, спекулировал.

В отношениях церкви и государства в это время «симфония» действует под знаком влияния первой. Так, церковный устав Владимира Святославича значительно расширяет по сравнению с византийскими уставами сферу церковного суда, к которому переходят все семейные дела, чтобы церковь могла успешнее воздействовать на общественную жизнь. Еще важнее постоянная в XI — начале XII в. практика принятия князьями наставления и руководства от церковных иерархов.

Но с началом удельного дробления начинается и постепенное затемнение «симфонии». Андрей Боголюбский в 1156 г., не поладив с ростовским епископом Нестором, выгоняет его, а через несколько лет — и его преемника Леона (по словам летописи, «хотя самовластец быти всей Суждальской земли»). В 1162 г., пытаясь сделать из Владимира «новый Киев», он просит константинопольского патриарха Луку Хрисоверга основать там митрополию и предлагает своего кандидата на этот пост, мотивируя просьбу тем, что он выстроил многие храмы и даже кафедральный Успенский собор. Патриарх хвалит его за ревность к делам благочестия, но отказывает в просьбе и строго напоминает, что не дело князя влиять на поставление епископов: «А начнеши ...гонити сего богом ты данного святителя и учителя, ведомо ти буди, благословенный сыну, что аще всего миру исполниши церкви и грады, ...гониши епископа..., то не церкви, то хлеви...» Но суровое предупреждение о том, что стремление князей подчинить себе церковь прев-

рашает «храмы в хлевы», т. е. обесценивает их, кажется, не было услышано. Брат Мономаха Ростислав убивает инок Григория за обличение, а великий князь киевский Святополк тоже за обличение мучил печерского игумена Иоанна.

С монгольскими завоеваниями начинается новый период церковно-государственной «симфонии», продолжавшийся до падения Византии в 1453 г. С началом «собираения земель русских» Москвой церковь соединяет свою власть и авторитет с линией московских князей, что закрепил переезд митрополита Петра в 1326 г. из Владимира в Москву (позднее была перенесена и митрополичья кафедра). «Но, соединив свою судьбу с одной линией, всячески поддерживая ее, — отмечал протоиерей Александр Шмеман, один из самых авторитетных современных православных богословов, — Церковь незаметно сама оказалась во власти этой линии, поставила себя ей на службу, перестала быть "совестью" государства, чтобы превратиться постепенно в опору и почти инструмент Московского "империализма"». Московские князья нередко бесцеремонно вмешиваются в церковные дела, нарушая все предписания и каноны. Так, Дмитрий Донской пытается сделать митрополитом угодного себе архимандрита Митяя и заключает в тюрьму епископа Дионисия, отказавшегося благословляться у еще не поставленного в епископы священника. Когда в Москву приезжает поставленный в Константинополе митрополит Киприан, Дмитрий прогоняет его, а за ним прогоняет и Пимена, подкупом добившегося посвящения в том же Константинополе. Только когда все эти неприглядные истории начисто изгладились из церковной памяти, Дмитрий Донской был канонизирован на Поместном соборе 1988 г.

Не случайно русские святые в XIV—XV вв. начинают уходить из городов в далекие и безлюдные места, основывая там монастыри нового типа, соединяющие мистические и молитвенные подвиги с социальным служением. И самый замечательный из них, преп. Сергей Радонежский, решительно отказывает митрополиту Алексию, когда тот хочет сделать его своим преемником — «если не хочешь отогнать мою нищету (т. е. меня, убогого) от того, чтобы слушал святые слова твои, более не говори и никому другому не вели».

Через шестьдесят лет после смерти Сергия под ударами турок пала Византия. За несколько лет до этого Русь преимущественно по политическим соображениям отказалась примкнуть к Флорентийской унии 1439 г. — последней попытке объединения церковей. Подписавший

унию от московской митрополии митрополит Исидор был изгнан московским князем Василием Васильевичем, а на митрополию в 1448 г. без санкции константинопольского патриарха был поставлен Иона. Де-факто это стало окончанием зависимости русской церкви от Константинополя (де-юре русская православная церковь делается вполне самостоятельной — автокефальной — в 1589 г. с поставлением патриарха московского как пятого вселенского), но усугублением зависимости от воли великого князя московского. Русское церковное сознание, потрясенное гибелью православной империи от рук неверных, в спешном порядке конструирует московское самодержавие — не как политическую практику, к этому времени вполне сложившуюся, а как идеологему. Возникает идея Москвы как «нового града Константинова», или «третьего Рима», священной миссией которого является защита и утверждение православной веры. При этом великий князь, а потом и царь московский сакрализируется, «верою и честью всех презыдя».

«Третий Рим» не продолжает, а заменяет собой второй (Константинополь), возникает опасная подмена «вселенского церковного предания местным и национальным», по словам Флоровского. Доктрина о Москве как о «третьем Риме» становится идеологическим базисом для образования деспотического московского царства. Оно оформляется под символом мессианской идеи, при фактической, как писал Н.А. Бердяев, национализации церкви — «религиозная идея царства вылилась в форму образования могущественного государства, в котором церковь стала играть служебную роль». Церковь таким образом попадает в ловушку, освящая своим авторитетом практически любое деяние московских государей. Разумеется, были и исключения — митрополит Филипп мужественно обличал опричные порядки и принял за это мученическую кончину, были и другие примеры отстаивания правды перед лицом неправой власти. Но, например, утверждение крепостных порядков и несвободы общественной жизни прошло практически без реакции со стороны церкви. Увы, прав был строгий критик русской действительности Петр Чаадаев, писавший почти триста лет спустя: «Почему русский народ подвергся рабству лишь после того, как он стал христианским..? Пусть православная церковь объяснит это явление... пусть скажет, почему она не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой». Справедливости ради надо заметить, что отдель-

ные голоса все-таки были — например, нестяжатели Максим Грек и Вассиан Патрикеев. Последний, будучи учеником знаменитого отшельника и мистика Нила Сорского, резко протестовал как против закабаления крестьян монастырями, так и против смертных казней еретиков. Но, опять же, это были исключения, и судьба их была печальной. Новый виток драмы взаимоотношений власти светской и духовной пришелся на XVII в.

Церковные реформы Никона и раскол

После Смуты Московское государство восстанавливалось сложно и с колоссальным напряжением всех сил. Слабость светской власти дополнялась ослаблением авторитета духовной. Епископы признавали: «Многие священники мало умеют грамоте, и в церковь Божию мало ходят, и церковного правила не исполняют, и крестьян к церкви быть не погуждают». В исповедных вопросах к кающимся грешникам духовного звания постоянно отмечаются такие провинности, как «обедню похмелен служил» или «упився, бесчинно валялся», участие в драках и даже «разбоях».

Своеобразная «симфония» государства и церкви при отсутствии в стране влиятельного и образованного «третьего сословия», казалось бы, исключала появление широкого антицерковного движения, подобного Реформации на Западе. Но в середине XVII в. реформы патриарха Никона вызвали неожиданный и тяжелый раскол среди православного духовенства и мирян. Созванные им церковные соборы 1654—1656 гг. постановили устранить различия в богослужбных книгах и обрядах между русской и константинопольской церквями. Наиболее заметными из изменений стали: новое написание имени Христа (Иисус вместо Исус); замена двоеперстия на троеперстие при совершении крестного знамения; изменение отдельных слов Символа веры и многих молитв (не носившие догматического характера); замена «трисоставного» (восьмиконечного) креста на «двоечастный» (четыреконечный), хождения во время обряда крещения по солнцу («посолонь») на хождение против солнца.

Проведение реформы было вызвано не только «нестроениями» в самой церкви, но и внешнеполитическими планами правительства. В это время решался вопрос о присоединении Украины, шли перегово-

ры о том же с молдавским господарем, и надо было устранить религиозно-обрядовые расхождения с православными церквями этих стран.

Никон ~ в миру Никита Минов (1605—1681), происходил из семьи мордовского крестьянина. Обучался грамоте и книжной премудрости в Макариево-Желтоводском монастыре. В 20 лет он стал священником, в 30 постригся в монахи в отличавшемся строгим уставом Анзерском скиту на Белом море. Через восемь лет стал игуменом, познакомился и произвел сильное впечатление на юного царя Алексея Михайловича, стал по его рекомендации новгородским митрополитом, а в 1652 г. — патриархом. Никон фактически выполнял роль главы государства: во время отсутствия царя вмешивался в деятельность приказов, поддерживал войну со Швецией; с 1652 г. к нему обращались как к «великому государю». Основное дело Никона — церковная «справа», но не менее энергично он централизовал и управление церковью, при этом стремясь сохранить ее автономию. В предисловии к изданному в 1655 г. служебнику он прославлял «премудрую двоицу»: «великого государя царя Алексея Михайловича и великого государя святейшего Никона патриарха, которые праведно преданные им грады украшают и суд праведный творят». Основал новые монастыри, самым знаменитым из которых стал Воскресенский Новоиерусалимский под Москвой, выстроенный как «русская Палестина», повторяющая христианские святыни и сооружения Святой Земли. Там в трехэтажном каменном «отходном скиту», где Никон жил почти восемь лет после отъезда из Москвы, сейчас находится его музей. Патриарх был человеком просвещенным и книжным, оставил после себя большое литературное наследие. Никоновская теократическая идея входила в противоречие с усиливавшейся светской властью — итогом этого столкновения был разрыв царя со своим «собинным другом». В 1658 г. Никон отказался от патриаршества, но сохранил за собой сан патриарха и надеялся вернуть престол. «Дело» опального патриарха тянулось несколько лет. Никон защищался от всех обвинений и, в свою очередь, доказывал: «Не от царей начальство священства приемлетя, но от священства на

царство пользуются... яко священство царства превыше есть». На церковном соборе 1666—1667 гг. с участием двух восточных патриархов Никон был осужден и лишен сана, хотя проведенные им реформы собор подтвердил. Умер он в 1681 г. по пути из ссылки, откуда его вернул царь Федор Алексеевич.

Новые обряды противоречили «старине», бывшей в сознании людей традиционной культуры наиболее надежной гарантией истинности веры. Для русского религиозного сознания было немыслимо даже малейшее изменение в священных текстах или в Символе веры; поэтому, например, добавление всего одной буквы в имени Спасителя понималось как принуждение поклоняться «другому Богу», а изменение обряда крещения (обливание водой вместо погружения) делало недействительным само таинство.

Кроме того, весьма невысоким было и качество исправлений. Реформа проводилась под знаком возвращения к византийским корням, однако инициаторам не хватило образования: за основу «справы» были взяты не тексты древних греческих или славянских книг, как утверждали реформаторы, а современная им греческая богослужебная практика и тексты греческих изданий XVII в. (напечатанных в Венеции, за неимением типографии в Константинополе). Неоднократно заявлявший о своем «грекофильстве» Никон греческого не знал, а его помощники трактовали своеобразно. По старообрядческому преданию, на вопрос Арсения Грека об исправлениях патриарх ответил — «Правь, Арсений, как попало, лишь бы не по-старому». Это предание очень похоже на правду. В ходе «справы» были сделаны многочисленные ошибки и нелепости. Многие из них — причем в основных богослужебных текстах — дожили в Русской православной церкви и до сего дня. Например, в Символе веры вместо слов «и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго» осталось только «и в Духа Святаго, Господа животворящаго». Из-за такого весьма произвольного редактирования получалось, страшно сказать, что никониане верили в Бога «животворящего», а не «истинного». Справедливые возражения противников реформ привели только к еще большему ожесточению партии власти. Эти недочеты реформы, оказавшиеся в итоге роковыми, отражали кризисные явления в Русской православной церкви и обществе. Еще на Стоглавом соборе 1551 г. было признано, что в москов-

ком царстве «учителей нет, а те, что есть, сами грамоте мало умеют», и решено повсеместно «у священников, у дьяконов... учинити в домех училища... на учение грамоте и на учение книжного письма». Однако сделано в этом направлении было мало. Спустя сто лет один из обвинителей Никона на соборе 1666—1667 г., митрополит газский Паисий Литарид, выразил единодушное мнение приехавших в Москву греческих иерархов — главной причиной раскола является состояние общего и богословского образования: «Искал я корня сего духовного недуга, и в конце концов нашел два источника его: отсутствие народных училищ и недостаточность библиотеки... Если бы меня спросили, что служит опорой духовного и гражданского сана, то я ответил бы: во-первых, училища, во-вторых, училища, и, в-третьих, училища».

Наконец, с психологической точки зрения интересен тот факт, что сам Никон, очевидно, довольно быстро охладел к своим реформам — книги, издававшиеся при нем в 1658—1666 г. в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, напечатаны по-старому, без исправлений. Своему бывшему единомышленнику Неронову он разрешил в 1657 г. служить по старым служебникам — со словами «обои-де добры — все равно, по которым хочеш, по тем и служи».

Тем не менее церковные соборы 1656 и 1666—1667 г. отлучили противников реформ от церкви и прокляли их «как еретиков и непокорников». Эти решения закрепили раскол русской церкви на никонианскую, признаваемую государством собственно церковью, и старообрядческую, объявленную после анафематствования еретической. С этого времени движение раскола стало набирать силу. В «воззваниях» 1667—1668 г. патриарх Иоасаф называл в числе поборников «старой веры» и служилых людей, и «ленищихся работати» крепостных крестьян, и монахов, и «белых» священников; по его словам, это было «всенародное множество». У раскольников появились свои вожди: дьякон Федор, инок Епифаний, священники Лазарь и Аввакум.

Аввакум (Петров) — протопоп, писатель, один из вождей старообрядчества (1620 или 1621—1682). Родился в семье сельского священника Нижегородского уезда. В 21 год стал дьяконом, в 23 был рукоположен во священника. С начала служения вступил в конфликт с окружением и за крайнюю строгость в церковных делах неоднократно изгонялся как властями, так и недовольной «временами неудобноносимыми»

паствой. Оказавшись во время одного из таких изгнаний в Москве, примкнул к кружку «ревнителей благочестия» и повел яростную борьбу против упадка нравов и нестроений церковной жизни — с позиций крайнего максимализма и традиционализма. Аввакум сознавал себя пророком, призванным обличать и наставлять, бороться со злоупотреблениями церкви и государства, проповедовать и окормлять своих многочисленных духовных чад, которых «по се время сот с пять или шесть будет». «Не почивая, я, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутьях, по градом и селам, и во царствующем граде, и во стране Сибирской проповедаю». Церковную реформу Алексея Михайловича и Никона Аввакум не принял, попытки царя и иерархии привлечь его на свою сторону оказались безуспешными. Его ссылали, бросали в тюрьмы, разлучали с семьей, но он остался непреклонен. По духу и темпераменту он был борцом, полемистом, обличителем. На церковном соборе 1666—1667 гг. был лишен сана и заточен в Пустозерский острог (в устье реки Печоры) вместе со своими единомышленниками Федором, Епифанием и Лазарем. Именно там Аввакум на 49-м году жизни становится писателем и продолжает борьбу, создавая в нечеловеческих условиях 15-летнего содержания в земляной яме многочисленные послания, проповеди, библейские толкования и знаменитую, не имеющую аналогов в древнерусской литературе автобиографию — «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». В нем Аввакум рассказывает потрясающим по силе и новаторским по художественным средствам слогом о своем мученическом, по примеру древних пророков и первохристиан, исповедании истинной веры, обличает «никоновские новины». Несмотря на строгие условия содержания, сочинения Аввакума расходились буквально по всей России. В 1682 г. Аввакум и его союзники по приказу царя Федора Алексеевича были казнены (заживо сожжены) «за великие на царский дом хулы». Пустозерские мученики были канонизированы старообрядцами на соборе 1916г.

Вожди раскола призывали уходить от гонителей и совершать церковные таинства самим, а попов-«никониан» обманывать. Старовер-

ческое движение стало первым в России массовым проявлением гражданского неповиновения; оно обеспечивало крестьянам организационные связи, необходимые для всех форм его борьбы. Раскольничьи скиты служили укрытием для беглых и исходной базой для повстанческих выступлений, а борьба за «старую веру» — идейным обоснованием социального протеста. Раскол стал своеобразной альтернативой московскому самодержавию и «никонианской» церкви, но обращен он был не в будущее, а в прошлое. Фанатичную верность традиции как условие спасения души зафиксировали знаменитые слова Аввакума, его кредо: «Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком!»¹.

Никоновскую реформу Аввакум и его последователи воспринимали как «блудную еретическую» (показывая тем самым, что не умеют отличить догматы, на которые покушались реальные еретики, от обрядов, реформированных никонианами). Для них церковная «справа» — это крушение богоустановленного порядка: «Никон начал правоверие казнити, оттоле все зло постигает нас и донине». Поэтому и разинщина, и «чумной мор» 1654—1655 гг., и войны с Речью Посполитой и Швецией были для них общественными проявлениями нарушения установленного Богом порядка. Аввакум в прошлом Руси видел «райский сад», верил в неизбежное в будущем восстание против никониан накануне Страшного суда и мечтал: «Даст Бог, прежде суда тово Христова, взявше Никона, разобью ему рыло. Блядин сын, собака, смутил нашу землю. Да и глаза те ему выколупаю, да и ткну его взашей: ну во тьму пойди, не подобает тебе явиться Христу моему свету. А царя Алексея велю Христу на суде поставить. Того мне надобно шелепами медянными (т. е. медными прутьями) попарить». «Огнепальный» протопоп был убежден, что на Страшном суде он сможет приказывать Иисусу Христу...

Вожди раскола предвещали приход Антихриста, конец света в 1666 г. и грядущее царство небесное, где не будет различия между рабами и господами, «но вси едино есть». Даже после того, как ожидаемого светопреставления не произошло, активность сторонников староверия не спала. Ужесточилась и правительственная политика. Указ 1684 г. предписывал всех отказывавшихся посещать церкви

¹ Сохраню до конца в том виде, в каком принял; не нарушу заветов: до нас положено, лежи оно так во веки веков.

«пытать и разыскивать накрепко»; упорствующих «если не покорятся, жечь в срубе и пепел развеять». Начались печально знаменитые старообрядческие «гари», в которых сжигали себя сотни людей.

Иногда сторонники «старой веры» решались на сопротивление: в 1668—1676 гг. упорно держались против правительственных войск монахи и работники Соловецкого монастыря, отказавшиеся принять новые богослужебные книги. Когда же открытая борьба была невозможна, преследования властей и сознание безысходности порождали отчаяние: мир захвачен Антихристом, «нигде нет исходу — только в огонь да в воду».

Старообрядчество, староверие или раскол (в терминологии РПЦ до 1971 г.) — общее название объединений русских православных духовных лиц и мирян, отказавшихся признать реформы патриарха Никона. Собственное наименование староверия — древлеправославное христианство. Сохранив каноническую и догматическую основу православия, старообрядчество звало своих последователей не столько к возвращению обратно к дореформенной церкви, сколько к церкви новой, основанной на желании более активной и более целостной религиозной жизни при соблюдении дониконовской традиции. Старообрядчество отличается строгим соблюдением принципа соборности (добровольного соединения верующих на основе любви к Богу и друг другу в духе Святом), значительной ролью мирян в жизни общин, верой в особую миссию русского православия. В силу давнего конфликта старообрядчества с государством в нем особое значение имеет идея разделения церковной жизни и государственной власти.

Старообрядчество не было единым движением; с конца XVII в. оно стало распадаться на отдельные толки и согласия («федосеевщина», «поморское согласие» и др.). Старообрядчество делится на «поповщину» и «беспоповщину». Поповцы признают необходимость церковной иерархии и всех церковных таинств. Они в середине XIX в. создали свою церковную организацию (так называемую Белокриницкую иерархию) с центром в Буковине, тогда входившей в Австро-Венгерскую империю (позднее — в общине Рогожского кладбища в Москве).

Беспоповщина распространилась на Севере; ее приверженцы отрицали необходимость духовной иерархии и некоторых таинств. Наиболее радикальные ее толки («филиповщина», «нетовщина») проповедовали необходимость «самоуморения и самосожжений». В XVIII в. власти ослабили преследования старообрядцев, установив для них повышенное налоговое обложение. По мере того как раскольничьи общины втягивались в рыночные отношения, в них росло предпринимательство; из среды раскольников выделялась купеческая верхушка (знаменитые московские купеческие семейства Морозовых, Рябушинских, Кузнецовых, Расторгуевых). По данным Синода, в 1895 г. насчитывалось 13 миллионов старообрядцев, что составляло около 10% населения. В 1971 г. Поместный собор Русской православной церкви признал постановления Соборов 1656 г. и 1666—1667 гг. в части, касавшейся осуждения раскольников, недействительными, а сами старые обряды — равносильными и равночестными новым. Юбилейный Собор 1988 г. («Собор тысячелетия») выразил сожаление по поводу возникшего триста лет назад разделения единой церкви.

В наше время наиболее крупными организациями являются: у «поповцев» — Русская православная старообрядческая церковь и Древлеправославная церковь во главе с митрополитами; у «беспоповцев» — Российский совет древлеправославной поморской церкви и Московские христиане древлеправославно-кафолического вероисповедания и благочестия старопоморского федосеевского согласия.

Укрывшиеся в лесных скитах старообрядцы сохраняли свой уклад жизни, мировоззрение, старые иконы, книги «дониконовой печати» и рукописи. Уже 30 лет ученые Москвы, Петербурга, Новосибирска отправляются в экспедиции в районы старообрядческих поселений (с. Ветка на границе Украины и Белоруссии, Верхнекамье) за древними рукописями, записывают духовные стихи и песнопения; создается даже телевизионный архив, с помощью которого запечатлены церемонии и обряды прошлого, технологии традиционных ремесел.

Большинство старообрядцев верило, что с началом исправления книг наступило царство Антихриста. Эта вера, а также жестокие го-

пения со стороны государства привели наиболее радикальных «расколуучителей» к выводу, что самоубийство за веру есть подвиг, равный мученичеству. В 1687—1693 гг. на Севере бывший дьякон Соловецкого монастыря Игнатий и его товарищи организовали массовые самосожжения, в которых погибло около пяти тысяч человек. «Держайте всенадежным упованием, таки размахав — да и в пламя! Накось диавол, мое тело, до души моей дела тебе нет», — одобрял протопоп Аввакум своих последователей. Случаи самосожжения, самоутопления, самопогребения имели место даже в XIX в. Но не все могли последовать таким радикальным призывам. Десятки тысяч людей предпочитали уйти от гонителей-«никониан»: одни отправлялись в пределы Речи Посполитой; другие — к берегам Белого моря, третьи — в леса за Волгу и дальше в Сибирь, где и сейчас еще существуют общины старообрядцев.

«...И пришли они, подьячие с теми выборными людьми, в черные дикие леса к тому острогу, и, не подпуская их к острогу, начали воровские люди с того острога со стен по них стрелять ис пищалей. И подьячие с посыльными людьми учили на тот острог окрик большой и убили у них, воров, на степе острожной из лука чернеца (т. е. монаха). Да с того ж острога со стены сорвали они человека, Стенькою зовут, Климова. Да ис того ж воровского острога нашли... их воровское непристойное письмо. А по словам того вора Стеньки, в том остроге воры, церковные противники. И они, воры, видя над собою промысел и многой окрик и стрельбу, в том остроге заперлись и хоромы зажгли сами, и от того запаления згорели они все без остатка. А отнять их вскоре от огня было невозможно потому, что у острога ворота, и у них двери укреплены многими запорами. А острог был зделан в толстом лесу, от земли мерою трех сажен мерных, и поделаны были частые бойницы... И подьячие, войдя в тот острог, дождались того, как пожар истух, осмотрели в том пожаре многие погорелые тела, по смете тел двести с тридцать. И тот острог они, посланные люди, разорили до основания и пожгли», — так описывал самосожжение старообрядцев в Важском уезде в ноябре 1685 г. архиепископ Холмогорский Афанасий (цит. по: Шашков А. Т. Неизве-

стная «гарь» 1685 года в верховьях Кокшеньги // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. ПО).

Итак, церковные реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона прошли по, увы, традиционной русской схеме — «хотели как лучше, а получилось как всегда». Точнее, получилось небывало хуже, и всю историю Русской православной церкви до собора 1917—1918 гг. правильнее было бы делить не на синодальный и синодальный периоды, а на эпохи до и после книжной sprawy и раскола. В конфликте никониан и старообрядцев у каждой из сторон была своя правда. Никон и его сторонники совершенно справедливо пытались преодолеть замкнутость и отсталость русской церкви и восстановить авторитет ее главы, но действовали крайним насилием и сорвались в теократическую утопию. Аввакум и староверы мужественно противостояли зачастую неграмотному диктату и утверждали евангельские истины ценой собственной жизни, но замкнулись в невероятном традиционализме, гордыне, антиинтеллектуализме («не высокоумствуй, но бойся!» — писал Аввакум, сам ничего не боявшийся).

Официальными же делателями церковного дела остались те, кого можно причислить к третьей стороне... Эти пастыри и эта паства — не ушедшие в раскол и формально принявшие «никонианство» — чаще всего действовали по принципу, сформулированному на соборе 1666—1667 гг. чудовским архимандритом Иоакимом, впоследствии патриархом московским: «Я не знаю ни старой веры, ни новой, но что велят начальницы, то я готов творить и слушать их во всем». «Хороши законоучители, — язвительно писал Аввакум, — что им велят, то и творят. Только у них и вытвержено: "а се, государь, бо се государь, добро, государь"».

По верному замечанию американского историка Джеймса Биллингтона, «конфликт Никона и Аввакума был вовсе не богословским спором, но смертельной схваткой между двумя мощными первоходцами в мире единой истины. Только после того, как они уничтожили друг друга, Россия стала безопасным местом для... доктрины служения государству». Именно конец русской «симфонии» в разрыве Никона с царем и расколе делает неизбежным превращение церкви при Петре I в часть бюрократического аппарата.

Подробнее на эту тему:

- Шмеман А., прот. Исторический путь православия. М., 2003.
- Флоренский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
- Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.
- Федотов Г.П. Святой Филипп митрополит Московский. М., 1991.
- Робинсон А.Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М., 1963.
- Успенский Б.А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2001. С. 313–360.
- Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984.
- Панченко А.М. Боярыня Морозова — символ и личность // Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 422—436.
- Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001.